

Татьяна Ожигова

Из цикла

«Театральная молодежь Омска»

бом сценическом образе Ожиговой зритель чувствует личность исполнительницы, угадывает, что она любит, что ненавидит. Здесь — секрет притягательности многих характеров, созданных ею в Омском театре.

Было бы наивно воспринимать творчество Татьяны Ожиговой как абсолютно безупречное. Творческий процесс не похож на цепь бесконечных удач. Если представить его графически, получится не поднимающаяся прямая, а зигзагообразная линия, может быть, спираль, не совсем нормальная кардиограмма. Свои подъемы, свои спады есть и у Ожиговой. Подчас артистка становится жертвой авторского лукавства или ложной режиссерской концепции, а иногда того и другого вместе, как это произошло в спектакле «Ночью без звезд» по пьесе А. Штейна. У этой противоречивой пьесы немало достоинств, мимо которых театр невозмутимо прошел. В результате Ожигова, играющая Лену, чересчур субъективна в трактовке образа, доказывая нам какую-то необыкновенную любовь к мужу, каперангу Егорьеву. Сизифов труд актрисы способен заставить поверить, что у Егорьева и Лены действительно любовь. Но тогда не надо идеализировать героев Штейна. Ни честолюбивого супермена Егорьева, ни Лену, эту подлинную женщину «со стометровки», с легкостью бросающую первого мужа, ревнующую второго и, кажется, готовую (в финале) вновь вернуться к первому.

И в спорных ролях Ожигова умеет оставаться интересной, думающей артисткой. Что же тогда говорить об очевидных удачах! Такова, например, одна из последних ее работ — Лейди в спектакле «Орфей спускается в ад» по пьесе Тенесси Уильямса. Атмосфера жестокости и лиризма, натуралистичности и поэзии, типичная для новейшей американской литературы, наполняют эту пьесу. Героиня Уильямса Лейди лишь по необходимости стала чертовой, но любовь к Валу буквально воскрешает ее. Ожигова демонстрирует огромный нравственный потенциал Лейди, моральное превосходство над сильными мира сего. Это стоит ей жизни. Умирающий муж стреляет в Лейди в тот момент, когда она торжествует победу над злом. Финал пьесы горек, однако трагическая коллизия служит источником, сильнее, очищающего душу чувства.

Дарование Ожиговой оценено по достоинству: она самый молодой в Омском драматическом театре лауреат Государственной премии РСФСР. Хотя на сцене совсем не новичок: 1 января 1975 года исполнилось 10 лет работы Ожиговой на театральных подмостках — счастливая пора зрелости! Впереди много замыслов, новых ролей, сомнений и поисков. А пока ближайшая роль — Маша в «Трех сестрах» Чехова. Скоро мы увидим эту работу, услышим из уст актрисы хорошо знакомые слова: «Мне кажется, человек должен... искать веры, иначе жизнь его пуста, пуста... Жить и не знать, для чего журавли летят, для чего дети рождаются, для чего звезды на небе... Или знать, для чего живешь, или же все пустяки, трыв-трава».

Очень понятно, почему Машу будет играть именно Татьяна Ожигова.

С. ПОВАРЦОВ.
Фото Э. САВИНА.

Она дебютировала на омской сцене весной 1970 года. То был «ввод» в спектакль «Сирано де Бержерак» по пьесе Э. Ростана. Татьяна Ожигова заменяла свою предшественницу в роли Роксаны. Впрочем, слово «заменяла» здесь не совсем уместно: молодая артистка была достаточно самостоятельна в том сценическом рисунке роли, который прежде санкционировала режиссура. И хотя речь идет всего лишь о вводе в готовый уже спектакль — Роксана Ожиговой заметно освещала героическую комедию Ростана, внесла в нее чистую лирическую струю...

В то время ситуация в театре складывалась так, что Ожиговой пришлось «подхватить» и другие роли: она сыграла Арманда в «Платке Мольера» К. Гудкова и Джесси в симоновском «Русском вопросе». Рискнул нарушить каноны жанра («творческий портрет» не предполагает подобных признаний), должен признаться в едва ли не полном разочаровании от вышеупомянутых работ. И даже когда Ожигова начала играть уже собственный репертуар («На дне», «Человек из Ламанчи»), настороженность по отношению к ней еще не проходила. Казалось, будто в актрисе преобладает экзальтация, идущая скорее от особенностей женского характера, нежели от серьезной актерской школы. Вскоре, однако, заблуждение это стало очевидным.

Манера Татьяны Ожиговой держаться на сцене, способность жить в образе отчетливо проявились в пьесе В. Розова «С вечера до полудня», где ей была поручена роль Нины. Актриса играет свою современницу, тридцатилетнюю одинокую женщину с трудной судьбой и чистым сердцем. По воле автора Нина вынуждена принимать в доме человека, который когда-то предал ее и которого она продолжает любить. Эта несколько надуманная сюжетная коллизия наполнена, однако, значительным содержанием и, как всегда у Розова, отмечена психологической правдой. Нина Ожиговой не просто человек со шрамом на сердце. Душевная травма усугубляется еще и физическим нездоровьем. Отсюда какая-то анимичность героини. «замороженность», выражающаяся в робкой плавной походке, сдержанных жестах, общей скованности. Но таков лишь внешний абрис роли. Душа Нины, если воспользоваться выражением Горького, — крылата.

Особенно хороша актриса в сцене ночного разговора с Левой: в коротком, но ошеломляюще искреннем и поэтому труднейшем монологе-признании, в лихорадочных репликах, полных горькой иронии, вроде «мораль идет... спи» или «что, мой порядочный?». Нина — Ожигова покоряет сердечной добротой, открытостью, высотой нравственного сознания — теми драгоценными качествами, которых так недостает «по-

рядочному» Ле- ве, разучившемуся даже плакать. «Кто давно не плакал, — говорит ему Нина, утирая слезы, — черств, холоден и опасен. Знаешь, отчего слезы горькие и какая там соль? Особая, Лева. Если она не выходит из человека, он костенеет, получается склероз души. А плачет — соль вытечет, и душа мягкая, способная к движению». Движением благородной души и дает нам в полной мере восхищаться актриса в этом талантливом спектакле.

Роли подобного рода требуют от современного актера не только профессионализма, но и немало нравственного чувства, личных качеств. Успех сценического образа определяется не только талантом, а и масштабами личности актера, степенью его человеческой значительности. В рассказе «Припадок» А. П. Чехов говорит о своем герое студенте Васильеве: «Есть таланты писательские, сценические, художнические, у него же особый талант — человеческий. Он обладает тонким, великолепным чутьем к боли вообще». Актер должен обладать и таким талантом, если хочет быть «с веком наравне». Практика театра последних лет красноречиво подтверждает наметившуюся тенденцию: чем крупнее личность исполнителя, тем ярче и духовно богаче созданный им образ.

С этой точки зрения интересно посмотреть на работу Ожиговой в ряде разных по стилю спектаклей. Темперамент актрисы, психологическая ее чуткость открыто выразились и в американском мюзикле «Человек из Ламанчи» (Альдонса), и в пьесе Горького «На дне» (Настя). В обеих ролях Ожиговой удалось добиться основного — показать, как преобразается человек под воздействием истины и добра. Подобно дикому, но прекрасному цветку, раскрывается перед нами душа Альдонсы, за внешней грубостью скрывающей мечту о высокой любви. Еще острее сходная ситуация в «На дне». Ожигова находит убедительные приемы в обрисовке несчастной девушки, чтобы резко высветить центральную свою тему: жив человек!

Она очень театральная актриса с богатыми и, может быть, еще не до конца раскрытыми возможностями, с большим творческим диапазоном. Ее духовный горизонт широк, а сценический «почерк» — самостоятелен. Ожигова свободно чувствует себя в классике. Будучи студенткой ГИТИСа, она сыграла Нюми в драме М. Ю. Лермонтова «Испанцы», Любовь в «Последних» А. М. Горького, Гертруду в «Гамлете», чем очень удивила Марию Осиповну Кнебель. Еще бы! Играть мать принца Датского в 18 лет — смелый шаг. Смелый и... характерный для

Ожиговой. В Омском театре мы видели Роксану, Настю, Клеопатру в шекспировской трагедии «Антоний и Клеопатра». И все-таки душой ее репертуара является современность, характер современной женщины. Перечень ролей говорит сам за себя: Женщина во «Вкусе черешни» А. Осеевой, Полина из «Солдатской вдовы» Н. Анкилова, молодые героини в пьесах Р. Ибрагимбекова и А. Штейна.

Полинка Сиворцова из сибирского села Зеленый Привал запоминается надолго. Актриса играет человека огромной душевной щедрости и вносит в образ отчаянную пронзительную ноту. Безутешна молодая женщина — убит на войне ее Алешка. Вчера еще счастливая невеста, а сегодня вдова солдата, она появляется с «похоронкой» в руках, произносит откровенно: «Моего Алешку убили... Вот». С тех пор и завила с горя Полинка, «заедала», как говорит о ней дед Савелий. На упреки Клавдия Вороховой Полинка отвечает: «...А ты бы не завила... нет... не завила... Я знаю... И не от характера... а оттого, что в душе у тебя, как в нетопленной бане, темно и пусто...» Полинка — Ожигова презирает душевную пустоту и эгоистическую расчетливость, сама она — воплощение верности, бескорыстия, чистоты.

Так уж получилось: избалованной героиней, Татьяной Ожиговой стала женщина страдающая, с нелегкой, часто искалеченной судьбой. В какой бы пьесе ни участвовала Ожигова, она всегда, в сущности, играет несложную жизнь. При этом героини Ожиговой — натуры, как правило, возвышенные, благородные, преданные своим идеалам, поднявшиеся над своим несчастьем. Нельзя представить себе актрису в идиллических ролях: пресная безмятежность не в ее характере. Зато там, где надо показать дисгармонию, душевную бурю или всепоглощающую страсть, — там Ожигова незаменима. Естественно поэтому говорить о комплексе ее сугубо профессиональных стилистических приемов: специфическая ответная реакция на предлагаемые обстоятельства, нервность, повышенная импульсивность в общении, динамизм... Ожиговой свойственны интенсивные краски, полутона — редкость. Драматическое начало всегда главенствует, так что становится осязаемым самый нерв роли, острее воспринимается происходящее на сцене.

Важна и ценна активная гражданская позиция в работе молодой актрисы. В лю-